Литературная страница

Луиза ХОМЕНКИНА.

Растворятся морозы
В теплом солнечном дне.
И распустятся розы
У меня на окне.

С этой пламенной ветки
Вновь повеет весной,
И припомнится вечер
Нашей встречи с тобой.

Вновь смотрю я на розы,
Нежный запах ловлю,
И опять словно слышу:
"Дорогая, люблю!"

Унылый дождь и таянье снегов,
А как гласит народная примета,
Когда шестого марта день такой,
То будет пасмурным,
холодным лето.

А как без солнца нам, сибирякам?
Оно для нас надежда и отрада.
Уже сейчас мы грезим по садам,
И зеленеет в ящиках рассада.

Василий ГУЛЯЕВ.

КОФЕ В ПОСТЕЛЬ

На ощупь в темноте нашел пимы
И, не тревожа вещих
снов супруги,
Пошел на голос молодой зимы
Трудом лечить
привычные недуги.

Когда метет, тогда не до хвороб,
И я уже почти что адекватен,
К воротам припаркованный
сугроб
Убрал фанерный мой эвакуатор.

Я в дом вернулся,
выветрив весь хмель,
Попотчевал дровами
печь-голландку.
И кофе благоверной
– прям в постель…
Она простила прошлую гулянку.

Зависло солнце в переплете рам
Меж тонкой занавеской
и геранью.
Вот так спасаюсь
от душевных драм
Благодаря терпенью и старанью.

Светлана Уланова

СЧАСТЬЕ ПОД ЗОНТОМ

Идет девчонка-куколка
Под розовым зонтом.
Над ней звенящим куполом
Струится небосклон.

Улыбкою лучистою
Встречает городок.
С кудрями золотистыми
Играет ветерок.

В сердцах растопит градинки
Теплом своим и вдруг
Цветным сияньем радуги
Все озарит вокруг.

Идет, порхает весело
Легчайшим мотыльком…
Жаль, что в мотиве песенном
Присутствую тайком.

Наталия ПРИВАЛОВА.

Вы думаете, я грущу?
Ну что вы, что вы!
Я в тишине зажгу свечу,
Задерну шторы.

Бутылка легкого вина,
В глазах усталость,
Я - одинока, я – одна.
Какая малость.

Я нарисую ваш портрет
На фоне лета,
Играет рифмами мольберт
В руках поэта.

Прольется акварель стихов,
Но будет поздно.
И в недосказанности слов,
В обрывках фраз,
В отрывках снов
Понять все можно…

Вы думаете, я грущу?
Ну что вы, что вы!
Я в тишине зажгу свечу,
Задерну шторы…

Вдыхая музыку дождя,
Теряюсь в сумраке аллеи,
Немое солнце фонаря
Качают ветра колыбели.

А в небе полная луна
Роняет грусти бриллианты.
Любовь бывает лишь одна,
Все остальное – варианты.

Фиалки на окне, а небо в звездах.
И ты одна среди
потерянной зимы.
Умолкли города, и стихли грозы,
И явь все чаще наполняет сны.

Какая-то неведомая тайна
Стоит за этой чуткой тишиной.
И тени на снегу, и взгляд
случайный:
Задумчивый, далекий и родной.

Минуты собираются в столетья,
Снежинками ложатся на ладонь.
И ты уже попала в эти сети,
И ты уже сгораешь, как огонь.

Доверчивое сердце не остудишь,
И памяти любить не запретишь.
Люби, пока на свете
жить ты будешь,
Гори, пока огнем любви горишь.

И пусть сейчас так
грустно и морозно,
И явь все чаще наполняет сны,
Фиалки на окне, и небо в звездах -
Поэзия потерянной зимы.

Когда однажды я уйду,
Никто, быть может, не заметит,
Лишь небо полночью отметит
Над лесом новую звезду.

Когда однажды я уйду,
Не прекратят трезвона птицы,
Колосья будут колоситься,
И листья мокнуть на пруду.

Когда однажды я уйду,
Дождем умоются аллеи,
И, тополиным пухом тлея,
Осядет иней на траву.

Когда однажды я вернусь,
Вы дверь тихонько отворите,
И огонек во тьме зажгите,
Когда однажды я вернусь.

Наталья КИЛОЧ.

Женская логика

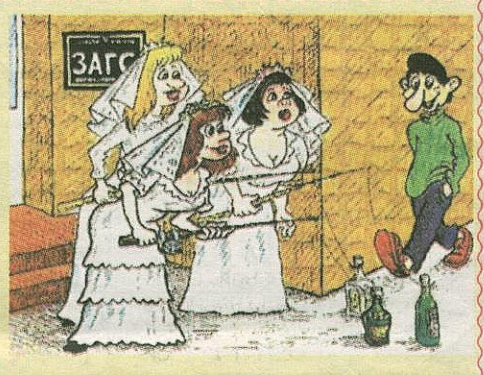
Каждое утро, начиная новый трудовой день, я и он, то есть мы, здороваемся друг с другом за руку и, мило улыбаясь, расходимся по соседним кабинетам. Ровно в 12.30 мы отправляемся обедать в одну и ту же столовую. Только я иду пешком, а он едет на машине. Путь не близкий, около километра. Каждый раз он обгоняет меня на своем белом автомобиле с номером 602 и никогда не предложит мне доехать с ним вместе.

Он прекрасно знает, что я иду в ту же столовую, где обедает он, но все равно проезжает мимо. А я так жду, так верю, что когда-нибудь в нем проснется сострадание или элементарная совесть, и он скажет: "Хотите, поедем вместе?".

И вот тогда, наконец, я смогу равнодушно ответить ему: "Нет, спасибо, я предпочитаю ходить пешком. Это очень полезно для здоровья".

Эдуард ДВОРКИН.

ВЕСНА СИДОРОВА



То, что сказала Сидорову Ольга, оказалось для него полной неожиданностью. Сидоров не знал, как себя вести, они поссорились, и Сидоров ушел, громко хлопнув дверью. Но не пропадать же вечеру, и он решил завернуть к Светлане, попить под ее веселую болтовню чаю, взвесить и обдумать случившееся.

Светлана обрадовалась Сидорову, поставила на стол печенье и лучшие сервизные чашки.

– Знаешь, – сказала она вдруг, – у нас будет ребенок.

— Да что вы все – сговорились?! – взорвался Сидоров. Он отшвырнул стул и выбежал из квартиры.

«Елену, что ли, навестить?» – прикинул он, слегка поостыв.

Елена встретила его застенчивой улыбкой.

– У нас… – начала она, но дальше Сидоров слушать не стал и выкрикнул сам:

– …будет ребенок! Замечательно!

– Откуда ты знаешь? – отпрянула Елена, но Сидоров был уже на лестничной площадке.

Таисия Павловна жила на другом конце города, и Сидоров все же туда поехал – ему было необходимо проверить свои внезапно возникшие подозрения. Увидев Сидорова, Таисия Павловна набрала было полную грудь воздуха, но тут же зарделась и потупилась. Сидоров смирился. Он махнул рукой, сел, устало вытянул ноги и прикрыл глаза.

– Не надо, Тася, – тихо попросил он, – у нас будет ребенок… я знаю… дай мне кофе…

Ночевать Сидоров не остался, – дома его ждала жена Людмила.

– Тебе заказное письмо, – сказала она, – я расписалась.

Сидоров взглянул на конверт.

– А-а! – обрадовался он. – Это от моего институтского товарища. Большим бизнесменом стал. Заведующим пирожковой… А ты спи: в твоем положении не следует переутомляться.

Он сунул письмо в карман халата и пошел в совмещенный санузел. Гюльнара писала:

«У нас уже совсем тепло. Готовимся к севу хлопчатника. Прочитала большую книгу о жизни и творчестве Мичурина. У нас будет ребенок…»

Сидоров тщательно измельчил послание и дважды спустил воду. Утром Сидоров вышел из квартиры как обычно, но на работу решил не идти. Он уже знал, что скажут ему секретарь директора Ирочка, Сибилла из отдела мобилизации внутренних ресурсов и Прохорова из военизированной охраны. На лестничной площадке малознакомая женщина возилась с пищевыми отходами. Сидоров поздоровался.

– У нас… – вдруг начала женщина. Сидоров побледнел.

– У нас?! – переспросил он.

– У нас – у кого же еще? — удивилась женщина и продолжила: – Воду завтра горячую выключат, так что, учтите.

Не в силах сдерживать рвущийся наружу смех, Сидоров торопливо спустился по ступенькам и выскочил на улицу. На улице была весна. Она была везде: в прозрачном свежем воздухе, ясной голубизне неба, лужах талой воды на асфальте, широко распахнутых глазах идущих навстречу девушек. И Сидоров вдруг понял, что это его весна, что скоро он, молодой еще человек, станет отцом сразу многих детей, которых будет навещать по очереди. И к женской любви, сопутствующей ему на протяжении всей его жизни, прибавится еще и детская. А разве счастье не в этом?

Так думал Сидоров, а впереди него шла незнакомая девушка с длинными золотистыми волосами. Сидоров прибавил шагу, и скоро они уже шли по улице вместе.